

УДК 355:94"1939/1945"

Штоль В.В.*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)***ЯЛТА – ПОТСДАМ ... ЧТО ЖДЁТ МИР ДАЛЬШЕ?**

Аннотация. В статье рассмотрены значение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и причины возникновения «холодной войны». Автор доказывает, что противостояние Запада и России (как бы оно ни называлась) неизбежно, что связано с их цивилизационными различиями. В этом свете документы, подписанные в Ялте (февраль 1945 г.) и Потсдаме (июль–август 1945 г.) и отражающие вклад СССР в победу над фашизмом, являются логическим продолжением традиционной, на протяжении веков, российской политики по защите своих рубежей и сохранению своей государственности.
Ключевые слова: Ялта – Потсдам, Вторая мировая война, Сталин, Рузвельт, Черчилль, Трумэн, СССР, Россия, США, Великобритания, Третий рейх, «холодная война».

V. Shtol*Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow***YALTA – POTSDAM ... WHAT WILL HAPPEN
WITH THE WORLD NEXT?**

Abstract. The article describes the importance of the Yalta-Potsdam system of international relations and the causes of the Cold War. The author argues that the confrontation between the West and Russia (no matter how it is called) is inevitable, due to their civilizational differences. From this point of view the documents signed in Yalta (February 1945) and Potsdam (July-August 1945) and reflecting+ the contribution of the Soviet Union in the victory over fascism are a logical extension of the traditional, long-term Russia's policy to protect its borders and preserve its statehood.

Key words: Yalta – Potsdam, World War II, Stalin, Roosevelt, Churchill, Truman, the Soviet Union, Russia, the US, the UK, the Third Reich, the Cold War.

Июль 1945 года. Пригород Берлина, Потсдам.

Идут переговоры между союзниками по антигитлеровской коалиции, подводятся итог Второй мировой войны с учётом Ялтинских соглашений (от 4–11 февраля 1945 г.). Уже к концу войны весьма влиятельные круги в США и Великобритании были недовольны до-

стигнутыми в Ялте договорённостями между И.В. Сталиным, Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем, считая их условия слишком большими уступками СССР, а себя – несколько ущемлёнными в части мирового лидерства, а именно в праве, как после Первой мировой войны, диктовать всем странам (как победителям, так и побеждённым) свои условия. Но в феврале 1945 г. во время

конференции в Крыму войска Советского Союза стояли у «ворот» Берлина, а англо-американские войска, застряв сначала в Нормандии, а потом – в Арденах, не имели весомых аргументов, чтобы диктовать свои условия на конференции, а ещё США необходимо было согласие Москвы на участие в военных действиях против Японии.

Кроме того, во время войны сложились весьма неординарные отношения между лидерами антигитлеровской коалиции. Несмотря на существовавшие противоречия, недоверие и разницу в мировоззрении и миропонимании между Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, судя по их переписке, было уважение друг к другу и чёткое представление, если процитировать У. Черчилля, что хуже плохого союзника может быть только война без союзников.

Теперь к Потсдаму. Климат на переговорах и расстановка сил несколько изменились; в США – новый президент Гарри Трумэн, а во время переговоров меняется и лидер Великобритании – премьер-министром становится Клемент Р. Эттли. Так что обстановка в Берлине совсем не та, что была в Тегеране и Ялте.

Итак, на переговорах два новых участника, не объединённых общим военным прошлым, а за спиной у них элита, не желающая уступать лидерство в мировых делах.

И всё-таки в потсдамских документах были закреплены предыдущие договорённости между СССР, Великобританией и США: страны Восточной Европы будут находиться в сфере влияния СССР, Австрия и Финляндия станут нейтральными, в Греции сохранится английское влияние, и через три месяца Советский Союз начнёт военные дей-

ствия против Японии. Но, подписав приглашение в Потсдаме, судя по последующим событиям, англосаксонский Запад остался не удовлетворён: с одной стороны, у него была атомная бомба, взорванная накануне Потсдама в пустынной местности штата Нью-Мексико, но с другой – был высокий международный авторитет СССР, подкреплённый потенциалом частей Советской армии, расквартированных в Европе.

Г. Трумэн, сообщивший И.В. Сталину о первом успешном испытании атомного оружия, не понял его реакции: то ли Сталин не осознал, с чем столкнётся мир в ближайшее время, то ли всё знал и не показал виду, что понял серьёзность скрытой угрозы, исходящей от Запада.

Известно, что в СССР ядерной физикой весьма успешно занимались ещё в 30-е гг.

В 1942–1943 гг. в Москве уже знали, что Германия приостановила свои работы над атомным оружием, а Британия, ввиду финансовых и экономических трудностей, передала лидерство в атомной сфере США. В Кремле понимали, что атомное оружие будет весомым аргументом как для завершения войны, так и во взаимоотношениях с союзниками по антигитлеровской коалиции [4].

В 1943 г., после Сталинграда, академик И.В. Курчатов ознакомился с разработанными по разработке в Штатах атомной бомбы. Именно тогда перед его лабораторией были поставлены чёткие задачи и выделены, несмотря на сложности военного времени, необходимые ресурсы и кадры [9, с. 81].

Военные методы, конечно, действенны, но, как показала война Германии против СССР, могут и не достичь

поставленных целей. Именно поэтому в недрах американских спецслужб разрабатывались планы идеологической войны, подрывающие самую основу СССР, искажающие цивилизационный код как русских, так и других народов, населяющих страну. В середине 40-х гг. Алленом Даллесом были сформулированы принципы, взятые впоследствии на вооружение западными спецслужбами. «Окончится война, – писал он, – всё кое-как утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем... всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разгравываться грандиозная по своему масштабу трагедия самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность... Литература, театры, кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не будут нужны, превратятся в пережиток прошло-

го... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом...

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит... Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем... опешлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем» [2, с. 72–73].

Не остались в стороне и политики... Прошло всего несколько месяцев после окончания войны, а из рядов союзников звучат воинственные речи. 5 марта 1946 г. в Фултоне (штат Миссури) выступал У. Черчилль, в частности, он заявил: «...Никто не может сказать, чего можно ожидать в ближайшем будущем от Советской России... Нам понятно желание русских обезопасить свои западные границы и тем самым устранить возможность новой германской агрессии... Мы рады тому, что Россия заняла принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира. Мы рады видеть её флаг на широких просторах морей... В то же время считаю своим долгом обратить ваше внимание на некоторые факты, дающие представление о нынешнем

положении в Европе... Коммунистические партии восточноевропейских государств, никогда не отличавшиеся многочисленностью, приобрели непомерно огромную роль в жизни своих стран... Во Франции и Италии, да и в других странах, где влияние коммунистов чрезвычайно ощутимо, коммунистические партии представляют из себя пятую колонну, растущий вызов и угрозу христианской цивилизации...

Обращаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и союзниками, я пришёл к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную... Мы не должны допустить повторения подобной катастрофы (войны. – *Авт.*) и добиться этого сегодня, в 1946 году, возможно лишь путём налаживания нормальных отношений и всеобъемлющего взаимопонимания с Россией под эгидой Организации Объединённых Наций. Поддержание таких отношений... должно обеспечиваться не только авторитетом ООН, но и всей мощью США, Великобритании и других англоязычных стран и их союзников» [8, с. 480, 484, 487].

Итак, тон был задан, противник установлен, средства определены – это военный потенциал Запада, опирающийся, в том числе, на атомное оружие США.

Надо себе отдавать отчёт и о состоянии экономики СССР и США после Второй мировой войны, на какой промышленный потенциал мог бы рассчитывать военно-промышленный комплекс стран. Известно, что к Первой мировой войне валовой национальный продукт (ВНП) США составлял 33% от мирового, а после Второй – уже 50%. А вот Советский Союз хоть и победил, но

в экономическом отношении мало чем отличался от Германии 1945 г. А по существу положение было значительно более тяжёлым. Это было связано с:

– огромными человеческими жертвами: около 22 млн человек [3, с. 229, 231, 252], что несопоставимо с потерями союзников по антигитлеровской коалиции [12];

– разрушениями практически до основания городов и сёл наиболее промышленно развитых и густонаселённых западной и центральной частей страны, оккупированных агрессором.

Военные действия по этой территории прокатились два раза в течение трёх лет: сначала с запада на восток, а потом обратно, при усилении партизанского движения и, как ответ – карательных операций оккупантов;

– уничтожением промышленности и её инфраструктуры.

В этих условиях после войны ВНП СССР, по разным оценкам, вряд ли достигал 5% от мирового, а стране надо было восстанавливать экономику, строить города и сёла, создавать атомную бомбу, не терять научно-технического потенциала, созданного за счёт мобилизационной экономики, не забывать о ненадёжных восточноевропейских демократиях, агрессивных планах бывших союзников и поддерживать статус великой державы-победительницы.

Задач и проблем было много, а ресурсы – весьма ограничены.

Фултонское выступление У. Черчилля – это начало «холодной войны». В своей речи он объединил как бывших врагов, так и союзников, а в изгой негласно попали лишь непонятные русские, отвергавшие западные ценности и протестантско-католическую этику.

У. Черчилля поддержал и возглавивший Соединённые Штаты после смерти Ф.Д. Рузвельта 33-й президент Г. Трумэн, который отказался от политики сотрудничества с Советским Союзом, проводившейся его предшественником. 12 марта 1947 г. он обратился с посланием к американскому конгрессу об ассигновании 400 млн долл. на срочную военную помощь Греции и Турции, чтобы сохранить их в рамках «свободного мира». Послание опиралось в какой-то мере и на телеграммы американского поверенного в делах США в Москве Дж.Кеннана, утверждавшего, что СССР невосприимчив к «логике разума», но в высшей степени чувствителен к «логике силы» [22].

Обращаясь к конгрессменам, Трумэн заявил: «Свободные народы мира обращаются к нам за поддержкой для сохранения своих свобод. Если мы будем колебаться в нашем лидерстве, то можем поставить под угрозу мир во всём мире и, конечно, поставим под угрозу благополучие нашей собственной нации» [18].

В послании содержались положения, ставшие известными как «доктрина Трумэна». Одновременно «с доктриной Трумэна» правительство США провозгласило доктрину «сдерживания коммунизма».

Итак, в 1947 г. в американском политическом лексиконе появился термин «сдерживание», который стал наиболее чётким выражением политики США по отношению к Советскому Союзу. Диалог вёлся с кольцом и винчестером (в виде атомного оружия) наперевес. Но чтобы ни у кого в самой Западной Европе не закрались сомнения в серьёзности намерений

американцев обеспечить своё господство над западным миром, они предприняли целый ряд мер. Прежде всего, необходимо отметить план Маршалла [15], в рамках которого западноевропейским странам выделялось 17 млрд долл. безвозмездной помощи. Политические шаги были подкреплены решением Совета национальной безопасности США (июль 1948 г.) о посылке двух групп бомбардировщиков Б-29 с атомным оружием на борту для размещения в Англии.

Атомное оружие американцы, правда, несколько раз теряли то в Испании, то на островах Северной Европы, но во всех случаях размещение американского атомного оружия можно расценивать, с одной стороны, как добровольно-принудительную меру, направленную на консолидацию западноевропейских стран, а с другой – как угрозу стране, не вписавшейся в послевоенное мироустройство по-американски.

В дальнейшем в США была разработана программа помощи развивающимся странам, основные идеи которой были изложены в речи Г. Трумэна в конгрессе (20 января 1949 г.) при его вступлении в должность президента на второй срок, а также в специальном послании Трумэна конгрессу (июнь 1949 г.), так называемый «четвёртый пункт программы Трумэна» «Мир и свобода» [17].

Этот план прежде всего был направлен на то, чтобы через оказание технической помощи развивающимся государствам помешать развитию их отношений с СССР и странами народной демократии.

Всё это означало начало полномасштабной «холодной войны».

Имеет смысл рассмотреть как само понятие «холодная война», так и её причины в понимании политологов.

По утверждению А. Шлезингера, «в своём первоначальном виде термин “холодная война” обозначал, по видимому, смертельный антагонизм, в котором сочеталось соперничество великих держав, идеологическая борьба, военная отстранённость, участие (или поддержка какой-либо из сторон) в чужих войнах и постоянная угроза взаимного ядерного уничтожения» [21, V. 46, P. 22].

Среди политологов, особенно западных, идут споры об истоках «холодной войны».

Одна точка зрения господствовала в 50-е и 60-е гг. Её возникновение связывают с крахом союзнических отношений во время войны, а причины видят в распространении советского влияния в Европе, в том числе образование стран народной демократии, авторитет коммунистических партий и влияние социалистической идеологии в Западной Европе, рост национально-освободительных движений в Африке, Азии, Латинской Америке, испытание СССР своей первой атомной бомбы (1949 г.), что позволило ему стать второй атомной державой мира. Сюда же относят провозглашение Китайской Народной Республики на огромной материковой части Китая (1949 г.) и неудачи США в Корейской войне (1950–1953 гг.).

В 1950 г. между СССР и КНР был подписан Договор о союзе. И здесь Запад оказался лицом к лицу перед объединённой мощью Советского Союза и Китая.

В 60-е гг., во время Вьетнамской войны, появилась иная точка зрения,

а именно: политика США – основная причина «холодной войны», а русские зачастую просто действуют в ответ на агрессивные американские притязания на рынки и политический доступ в условиях большой асимметрии в балансе сил [14].

Но, конечно, появились высказывания, в которых утверждалось, что обе стороны виноваты в создании международной напряжённости, так как и США, и СССР преследуют свои собственные цели, защищают свои интересы и поэтому ошибочно трактуют действия другой стороны, а «структурная асимметрия в приложении к силе и политическим системам затрудняет взаимопонимание» [19]. Отсюда делался вывод, что русские, в частности И.В. Сталин, больше беспокоились о своей безопасности (так, как они это понимали), что и послужило поводом создания советской сферы влияния в Восточной Европе (об этом говорят и материалы Ялтинской и Потсдамской конференций), чем мировым господством и агрессивными планами в отношении Западной Европы. Но в то же время даже пассивная забота Советского Союза о собственной безопасности рассматривалась как угроза западным интересам. Вывод: противостояние СССР/Россия – Запад неизбежно.

Ожесточённым противостоянием объединённого Запада под эгидой США, с одной стороны, и союзом СССР и Китая – с другой, воспользовались афро-азиатские страны. За 25 лет, очень быстро, практически полностью изменилась политическая карта мира. Метрополии вели долгую и изнурительную борьбу за свои колониальные владения, пока не поняли, что влияние там можно обеспечить и

экономическим путём, сохранив или получив «доступ к торговле и мировым сырьевым источникам», как об этом говорится в Атлантической хартии, подписанной Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем (август 1941 г.).

Однако «освобождённые народы Востока», даже назвав свои новые независимые государства «социалистическими», «народными» или «демократическими», не встали на социалистический путь. Как следствие, возникло Движение неприсоединения, которое возглавляли безусловно яркие личности (И.Б. Тито, Дж. Неру, А.-Г. Насер, Ф. Кастро). Эта организация не примкнула к советскому блоку, хотя и отошла от западного, что позволило странам и их народам сохранить (или восстановить) свою традиционную культуру и национальную идентичность.

Новые независимые государства Азии, Африки и Латинской Америки получали помощь как от СССР и его союзников, так и от западных стран, но размеры этой помощи были несоизмеримы: СССР не мог «тягаться» с возможностями МВФ и всей банковской системой Запада. Это был проигрыш в экономике; а в идеологии – во второй половине XX в. лидеры африканских и азиатских стран легко меняли принципы и убеждения в зависимости от текущего момента.

На начало и середину 60-х гг. приходится, по оценкам экспертов, первый пик американского главенства на Западе. США нарастили огромный стратегический потенциал и готовы были к «тотальному интервенционизму» по всему миру.

Политика США – их утверждение «мы сильнее всех» – вполне соответ-

ствовала термину «самонадеянность силы», впервые введённому сенатором Дж.У. Фулбрайтом в 60-е гг. XX в. для характеристики американской внешней политики [7, с. 17].

Согласно аналитическим данным, приводимым А. Уткиным, США превосходили СССР по численности средств доставки ядерного оружия в 10 раз, но к концу десятилетия это превосходство растаяло. В начале десятилетия ВВП США в три раза превышал объединённый западноевропейский и японский, а через 15 лет показатели сравнялись.

Ещё в начале 60-х гг. десятки новых государств «стучались в двери ООН», а через десятилетие возникли их авторитетные организации: «Группа 77» (1964 г.), Движение неприсоединения (1961 г.), Организация стран –экспортеров нефти (1960 г.) [5, с. 352].

Конечно, Америка не стала слабее, просто вырос экономический потенциал стран третьего мира, а СССР к концу 60-х гг. достиг определённого стратегического паритета с США: страна, восстановив народное хозяйство, разрушенное войной, создала новые производственные мощности на современном научно-техническом и технологическом уровнях; решала социальные задачи; наука, образование и медицина в целом соответствовали западным стандартам, а по целому ряду позиций (в частности, в образовании) превосходили их, с военным потенциалом тоже всё было в порядке.

Но с течением времени во внешней и внутренней политике СССР появились тенденции к самоуспокоенности. Лозунги формулировались, цели определялись, но дальше этого дело не шло. Руководство страны дряхлело и все

новые руководители были калибром меньше и, обладая огромной властью, использовали её на мелочевку, теряя авторитет не только в стране, но и на международном уровне. В идеологическом плане всё строилось на взглядах, представлявших уже пройденный этап и являвшихся атавизмом в конце XX в.

В международных отношениях появились термины «разрядка», «мирное сосуществование», успокаивающе действовавшие на мировую общественность, но на Западе под ними скрывались всё те же сформулированные А. Даллесом ещё в далёких 40-х гг. цели. Поэтому события конца 80-х – начала 90-х гг. были для судьбы СССР вполне логичными.

По мнению известного отечественного историка И.Я. Фроянова, «желание Запада “прибрать к рукам” советскую страну имело прежде всего две побудительные причины: экономическую и военно-политическую» [6, с. 42]. «Цели и средства наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (NSDD)... в 1982 и 1983 гг. ...» [10, с. 13].

Если очень кратко, то в этих документах под грифом «совершенно секретно» рекомендовалось:

– осуществить «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе;

– поддержать различными мерами и другими методами антисоветские организации в Восточноевропейском регионе;

– проводить политику, направленную на подрыв советской экономики, особенно тех её отраслей, на которых базировался военно-промышленный комплекс, и не забывать о необходимости бороться за ресурсы.

В целом предлагалось разработать и реализовать мероприятия наступательной политики по всем направлениям с целью фундаментального изменения советской системы.

В рассуждениях М. Горбачёва «Европа – общий дом»¹ не только Запад, но и страны соцлагеря уловили неуверенность руководства СССР, стремление понравиться западным лидерам, сдать свои принципиальные позиции. Ну и почему бы этим не воспользоваться?

А возможен ли вообще в Европе «общий дом» и что под этим понимать?

Из небольшого экскурса в историю следует, что испокон веков на территорию Руси покушались захватчики. Что их могло здесь привлекать? Леса, непроходимые болота, скудные земли, суровый климат и редкие поселения с несговорчивым населением? Но захватчики всё шли и шли.

Наиболее активными и крикливыми из них были польско-литовские. Поляки на протяжении XVII–XVIII веков никак не могли выбрать себе правителя: то приглашали представителей французской и шведской династий, в том числе Карла XII, то саксонских королей. Наверное, в том числе, именно из-за непредсказуемости власти в Польше все русские самодержцы стремились создать кордон на западных границах империи, а Екатерина II вместе с Пруссией и Австрией приняла самое активное участие в разделах Речи Посполитой (1792 г., 1793 г. и 1795 г.).

В 30-е – 40-е гг. XIX в. при Николае I после подавления восстания польской элиты Российская империя обрела

¹ Идею об «европейском доме» в своё время высказал Президент Франции Ш. де Голль, а Горбачёв искажил её до абсурда.

определённый покой на своих западных границах. Это было как раз то, к чему Россия всегда стремилась – к незыблемости своих границ.

А что представляет собой история Европы? Это война за войной, захват, раздел и передел территорий. Там нет ни одного метра земли, который не был бы в то или иное время местом кровопролитного боя. А кто воевал? Одна родня против другой, так как все правящие династии находились в кровном родстве. Так что «цивилизованная» Европа, «колыбель культуры» – это как ещё посмотреть!

Российская империя никогда не была инициатором захватнических походов в Западную Европу, военные действия с выходом на территорию противника практически всегда провоцировались Пруссией, Францией, Австро-Венгрией, Швецией, Польшей. Можно, как отдельный эпизод, вспомнить лишь Итальянский поход Суворова (1799 г.), в который его отправил император Павел I воевать за чуждые австрийские интересы, вдохновившись рыцарской этикой Мальтийского ордена.

Да и в Первую мировую войну Российская империя вступила за чужие интересы, запутавшись в англо-французских и австро-германских интригах [11]. И опять это была война родственников. Николая II по крови уже нельзя было признать русским из-за многочисленных браков с представительницами европейских династий [13, с. 286].

Версальский мир не принёс покоя континентальной Европе, он оставил слишком много вопросов, обострив борьбу между союзниками (Англия – Франция, США – Англия, США – Япо-

ния, Италия – державы Антанты). Версальский мир не покончил с войной, а превратил её в постоянную угрозу существующему миропорядку. А в Советской России после революций проблем было ещё больше.

В 20-е – 30-е гг. Советскому Союзу пришлось тяжело. Это не только Гражданская война и интервенция, но и разруха в экономике, бесконечные конфликты в руководстве в борьбе за власть. Каждая из группировок втягивала во внутривластную борьбу массу людей, весьма далёких от политики, но, как всегда, оказавшимися «крайними». Великая Отечественная война была испытанием не только для страны, но и прочности государственной власти.

В Ялте и Потсдаме советская делегация, как и делегации США и Великобритании, выработали на условиях компромисса принципы послевоенного устройства мира. СССР, освободив Восточную Европу от власти Третьего рейха, создал кордон для защиты своих западных рубежей. Советский Союз действительно освободил восточноевропейские территории от фашизма, но большинство этих стран воевали на стороне Германии вполне добровольно за обещания Гитлера поделить с ними плоды своей победы.

Конечно, продавали и предавали народы своих стран элиты, но великодушные победителя тоже надо уметь принять, а то в памяти народной остаётся неприятный осадок. К этому добавляются исторические обиды, мнимые или реальные. Всё это используется манипуляторами человеческих душ – политиками, церковью, СМИ. И вот уже комплекс ущемлённости готов, нужно только направить его в со-

ответствующее русло. Что и было сделано в конце 80-х – начале 90-х гг. Как следствие – прежние союзники превратились в заклятых врагов, а Запад ещё использовал и приманку, утверждая, что наконец-то они вернулись в лоно своей цивилизации и уже почти «настоящие европейцы». Ещё посулили и мечту в духе Капитана Флинта Р. Стивенсона: «пиастры, пиастры... и бутылка рома». Против этого аргумента не могла устоять никакая «братская» дружба народов.

Западная тотальная антирусская политика никогда не прекращалась: то это были разнообразные ландскнехты и рыцарские ордена, направляемые Ватиканом, то интервенция, то изоляция, то диссидентствующая интеллигенция и «шестидесятники», а теперь ещё и Болотная площадь вместе с санкциями и нарушениями «прав человека». Таким образом, поводов много, а цель всегда одна – любым способом уничтожить страну или заставить её забыть свои корни, забыть, что ты русский, отречься от своей веры, своих традиций.

В 90-х гг. вопрос «холодной войны» – в ракурсе, кончилась ли она с ликвидацией социалистического лагеря или нет – обсуждался достаточно широко в среде политиков, дипломатов и политологов. Ельцинско-козыревская дипломатия как продолжение пораженческой дипломатии Горбачёва – Шеварднадзе считала, что противостояние СССР и его правопреемницы Российской Федерации с Западом себя исчерпало, наступит эра «общеевропейского дома», куда Россию примут тепло и нежно. Это было не так, и это не могло произойти просто по определению. Россия как государство, как

самобытная независимая страна Западу не нужна, и при этом он испытывает перед её потенциальной мощью хронический, на уровне подсознания, страх.

Дальнейшие события во взаимоотношениях России и Запада только ещё раз подтвердили, что противостояние как было, так и есть, и конца ему в обозримом будущем не видно.

Ещё в 30-е – 40-е гг. XX в. русский религиозный философ И.А. Ильин утверждал, что войну против России ведут её хорошо всем известные враги. По его убеждению, у нашего народа есть «давние религиозные недруги, не находящие себе покоя от того, что русский народ упорствует в своей “схизме”, или “ереси”, не приемлет “истины” и “покорности” и не поддаётся церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костёр его не поведёшь, то остаётся одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые будут для него или “спасительным чистилищем” или же “железной метлой”, выметающей Православие в мусорную яму истории». При этом у России есть и такие враги, «которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом “терпимости” – безбожие, под видом “республики” – покорность закулисным манованиям и под видом “федерации” – национальное обезличие. Это зложелатели – закулисные, идущие “тихой сапой”» [1, с. 169].

В иных терминах, но о той же самой угрозе для самого существования России как самостоятельного государства и её народа говорил и митрополит

Иоанн: «Оглянемся вокруг: какие ещё доказательства нужны нам, чтобы понять, что против России, против русского народа ведётся подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Борьба эта – не на жизнь, а на смерть, ибо по замыслу её дьявольских вдохновителей уничтожению подлежит страна целиком, народ как таковой – за верность своему историческому призванию и религиозному служению, за то, что через века, исполненные смут, мятежей и войн, он пронёс и сохранил святыни религиозной нравственности, сокровенное во Христе понимание Божественного смысла мироздания, твёрдую веру в конечное торжество добра» [2, с. 73].

После ликвидации социалистической системы в лице СССР и восточноевропейских стран народной демократии во взаимоотношениях новой либеральной России и Запада, особенно в эпоху Ельцина, появилась новая лексика. Она наполнилась либеральными терминами-поучениями о том, как жить, как приватизировать, что делать с социальной сферой, что есть, пить и смотреть, каким богам молиться и как забыть своё прошлое.

Запад, используя временную слабость России, не только подчинил её своим экономическим интересам, укрепив союз с новой олигархией, но и придвинул свой военный альянс вплотную к российской границе и тем способствовал реанимации «синдрома, связанного с российским окружением» [16].

И как во все исторические времена, Россия сначала глухо сопротивлялась агрессии Запада, а затем стала постепенно, хотя и очень медленно, возвра-

щать себе позиции на международной арене. На Западе это было расценено в том смысле, что Россия вновь вспомнила о своём прошлом, прочно связанном с традиционными имперскими инстинктами, с которыми в настоящее время невозможно справиться из-за авторитарной трансформации современной политической системы [20].

Таким образом, какой бы Россия ни была – самодержавной, социалистической, либерально-капиталистической, «с человеческим лицом» или без – Запад будет недоволен. Поэтому «холодная война» не может ни начаться заново, ни пережить некую «вторую волну» по той причине, что она никогда, начиная с 1946 г., не прекращалась, в том числе и в последние почти четверть века, которые прошли после распада Советского Союза. Прекращались разговоры о ней, и то – в основном со стороны наших либералов.

Ведь задача, которую ставил перед собой Запад, начав «холодную войну» против нашей страны, с разрушением СССР не была решена: преемницей Советского Союза стала Российская Федерация. А ещё британский историк А. Тойнби – крупная и влиятельная фигура в западном истеблишменте – говорил, что Россия, подобно сердцу, сжимается в трудные времена, разжимаясь в более благоприятной обстановке, подобно пружине. Запад продолжил «холодную войну» для того, чтобы на этот раз «пружина» не разжалась, а лопнула.

Подтверждением этого служит расширение НАТО: сначала были поглощены бывшие союзники СССР по Организации Варшавского договора, затем республики Прибалтики, входившие в состав Советского Союза.

Потом начались манёвры вокруг Грузии и Украины, завершившиеся «цветными революциями». Конечной целью было вовлечение в НАТО и этих республик, но жёсткая позиция, занятая Россией, примером которой может служить знаменитая мюнхенская речь Президента Владимира Путина (февраль 2007 г.), посеяла у европейских союзников США сомнения в целесообразности дальнейшего расширения НАТО. И в результате на Бухарестском саммите НАТО (апрель 2008 г.) Грузия и Украина приглашения не получили.

После этого инициатива по втягиванию, например, Украины, в западный альянс была передана Европейскому союзу, который через «Восточное партнёрство» намерен был заключить с Украиной договор об ассоциации и тем самым развернуть её против России. Однако в последний момент Виктор Янукович, поняв, чем чреват для Украины этот договор, отказался его подписывать.

Это и положило начало нынешнему кризису, за которым стоит, как всегда, политика США и НАТО, нацеленная на реализацию старой, как мир, «стратегии анаконды», изобретённой ещё адмиралом А. Мэханом: окружить Россию, выдавив её из Европы на северо-восток, и тем самым создать условия для её полного распада, которым грезили все американские и западные стратеги – от советника президента США Вудро Вильсона полковника Хауса, который ещё в 1918 г. сказал: «...остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделённая европейская часть страны», до Гитлера и Бжезинского.

Вот эта неизменность целей и задач, рассчитанных на уничтожение нашей страны, и есть главное, что определяет внутреннюю логику поведения Запада: Россия должна прекратить существование. Нынешним киевским властям отводится в этом проекте роль внешнего тарана, а российской «болотной оппозиции» – внутреннего.

Порой в наших СМИ высказываются взгляды на некоторые события в международной жизни (например, недовольство в Австрии, Сербии, Венгрии и даже Германии и Франции антироссийскими санкциями или трактовка результатов визита В.В. Путина в Венгрию в феврале 2015 г.) о возможности внести раскол в тесный союз западноевропейских стран и США.

Но это говорит только о принципиальном непонимании ситуации.

Конечно, различия экономических интересов между США и Европейским союзом имеются, но не надо забывать, что в отличие от Америки Европа не обладает собственной субъектностью и потому вопреки национальным интересам своих стран соглашается на антироссийские санкции. Это взаимоотношения ведущего и ведомого. И, конечно, не все страны Европы довольны своим нынешним положением в ЕС. Отчасти это связано с завышенными ожиданиями, которые были перед вступлением в Евросоюз. К таким странам можно отнести, например, Венгрию, Грецию, Румынию и Болгарию. Многие восточно- и центрально-европейские страны не в восторге от срыва проекта «Южный поток», которым хотели попользоваться как страны-транзитёры.

Сотрудничество с Российской Федерацией для таких стран может

принести много пользы. Но не стоит обольщаться: и Венгрия, и Греция, и Словакия, как и все остальные члены ЕС, – участники антироссийских санкций. Они, вольно или невольно, с большей или меньшей охотой, под нажимом немцев или американцев, но присоединились к санкциям против России. И это – принципиальный момент в отношениях Москвы и любого европейского государства. В ЕС есть дисциплина, есть ведущие игроки в лице Германии и Франции, есть американский диктат. Так что в Старом Свете все действия согласованы, централизованы, чётко действуют принципы «демократического централизма», никаких попыток «самодеятельности» быть не может. Но в рамках двусторонних отношений Россия может решать некоторые задачи.

У членов ЕС есть право вето. Но это то право (и это понятно всем), которым лучше не пользоваться. Выгоды от использования своего права намного меньше тех негативных последствий, которые могут наступить.

Вот один из таких примеров. В 2003 г., пусть не в рамках ЕС, а в рамках Североатлантического альянса, лидеры Германии, Франции и Италии попытались высказать самостоятельную точку зрения: они не хотели вводить свои войска в Ирак. И тогда было много разговоров на тему, как Россия пытается вбить клин между союзниками в западном мире. Мы не собирались этого делать, просто наша позиция была близка к позициям этих государств. Закончилось всё очень просто: в Италии, Германии и Франции поменилась высшая власть. И это был ответ Вашингтона на попытку проявления собственной позиции. Но ведь в дан-

ном случае речь шла о ведущих европейских странах с сильной экономикой. Что же тогда говорить о средних и малых странах Европы? Понятно, что рисковать никто не хочет.

Но в целом в стратегическом плане у стран Старого Света и США совпадают и экономические интересы. Между Северной Америкой и Европой строится зона свободной торговли, создание которой приторможено из-за обиды европейцев на США после разоблачений Э. Сноудена. Но американцы своё возьмут. В чём, например, логика нового плана «сдерживания России», который изложил Дж. Фридман, шеф близкого к ЦРУ агентства «Стратфор»? Его идея не нова: он предложил провести новый «санитарный кордон» вокруг России по линии Варшава – Бухарест – Баку, т.е. за пределами Украины.

Расчёт на то, что Россия завяжет в украинском кризисе, конечно же, присутствует. Но не только. Более важным представляется стремление напугать Европу российской угрозой, укрепив над ней американский контроль, прежде всего в сфере безопасности с помощью Североатлантического блока.

Конечно, НАТО, принимая новых партнёров, порою весьма проблемных, может превратиться в малоуправляемую организацию. Но даже признавая сложности кооптации новых членов, американцы придумывают всё новые и новые формы, расширяют географические границы, на которые распространяется сфера ответственности альянса. За счёт новых членов американцы решают целый комплекс задач. Так, бывший глава Пентагона Д. Рамсфелд заявил о том, что есть «старая» Европа, а есть «новая». И «новая» Европа

нужна для того, чтобы не допустить сближения и координации между Россией, Германией и Францией. Или, по крайней мере, чтобы управлять этим процессом из Вашингтона, опираясь на амбиции новоиспечённых сателлитов вроде Польши, которые, как любые неофиты, самые шумные и крикливые и готовы за одобрение Вашингтона буквально рыть землю.

Самое главное – в евроатлантических отношениях на первом месте стоит военно-политическая зависимость Европы от США, причём абсолютная. Это касается отношений в рамках НАТО и целого ряда международных институтов так называемого «интегрированного Запада». Проблемы экономики отходят на второй план, на первом месте стоят вопросы политической дисциплины.

В стратегическом плане ничего не будет меняться. Пока США остаются лидером объединённого Запада, куда входят Европа, Северная Америка, Австралия, Япония, никаких судьбоносных перемен ждать не стоит. Другое дело, что отдельными государствами могут предприниматься тактические шаги, которые, правда, не будут менять общего положения вещей.

Тем не менее ограничения у НАТО существуют и сегодня, их создаёт объективная реальность. США сильнее всех и могут, условно говоря, уничтожить любого оппонента, скажем, десять раз. Или двадцать. А конкурент, например, может сделать это только два раза. Но ведь и Америке этого достаточно, и будет рассматриваться как «неприемлемый ущерб». Так что вероятность многократного уничтожения не гарантирует безопасность. В этих условиях и начинает действовать дру-

гая логика, в частности, логика «холодной войны».

Современное положение России можно охарактеризовать следующим образом: «Ни одна страна в мире за свою историю не перенесла столько тяжелейших испытаний, как Россия. Русские одолели девять наиболее крупных нашествий: хазар, половцев, монголо-татар, поляков, шведов, осман, французов, дважды немцев. Но в 1990 годы объединённый Запад в сговоре с предателями, захватившими в стране власть, разгромил Советский Союз, уничтожил социалистический строй и, перегруппировав силы, приготовился к решающему броску против русского государства.

Смертельная схватка с врагом уже идёт. Россия стоит перед дилеммой: либо отстоять свободу, либо быть поработённой агрессивными силами Запада и Востока, намеревающимися расширить своё “жизненное пространство” за счёт нашей страны. Свобода или несвобода – другой альтернативы у русских и других народов России нет» [13, с. 354].

Итак, «холодная война» против СССР/Российской Федерации не прекращалась ни на одно мгновение, она была многовариантна. Но если рассматривать в ретроспективе те решения, которые были приняты и образовали Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, то можно с гордостью сказать, что они обеспечили мир в Европе на протяжении 50 лет (до югославской трагедии 90-х гг.).

Для Российского государства в лице СССР Ялтинско-Потсдамские соглашения представляли собой не только итог Второй мировой войны, но и продолжение российской политики на

протяжении всей истории существования Руси/России как самостоятельного государства. Основная её цель – это обезопасить свои границы, в первую очередь на западе. Так что СССР в данном случае был абсолютным политическим правопреемником Российской империи.

Развивая идеи традиционной национальной российской политики, следует идти по пути дальнейшего укрепления России, нашей национальной и военной безопасности, чему будет способствовать выстраивание глобальной альтернативы – мировой системы, объединяющей ведущие незападные страны. ОДКБ, ШОС, БРИКС – это зарождающиеся элементы данной системы.

Самое опасное сегодня – отстать от жизни, динамики её развития и застыть на неизменном уровне кругозора, понимания и анализа. Распад СССР – результат именно такого отставания, вызванного неспособностью советской политической элиты выйти за рамки устаревшей и потерявшей актуальность идеологической догматики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.А. О грядущем России. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
2. Митрополит Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1995. 349 с.
3. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 611 с.
4. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 317 с.
5. Уткин А. Вызов Запада и ответ России. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2003. – 608 с.
6. Фроянов И. Погружение в бездну. М.: Алгоритм, 2001. 528 с.
7. Фулбрайт Дж.У. Самонадеянность силы. М.: Международные отношения, 1967. 256 с.
8. Черчилль У. Речь в Вестминстерском колледже I // Мускулы мира. М.: ЭКСМО, 2006. 528 с.
9. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: ТЕРРА, 1991. 623.
10. Швейцер П. Победа / пер. с польск. Минск: СП «Авест», 1995. 464 с.
11. Штоль В.В. Мировая политика накануне Первой мировой войны // Обзор-атель–Observer. 2014. № 9. С. 5–18.
12. Штоль В.В. Цена Второй мировой войны // Обзор-атель–Observer. 2014. № 6. С. 6–27.
13. Шутов А.Д. Последнее испытание России М.: Onebook.ru, 2014. 372 с.
14. Alpperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. N.-Y.; Pluto Press, 1985. – 402 p.
15. American Foreign Relation. 1947. Vol. IX. Princeton University, 1949.
16. Cohen S.F. Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia. N.-Y., 2000. 320 p.
17. Cooperative Program for Aid in the Development of Economically Underdeveloped Areas. Wash., 1950.
18. Documents on International Affairs 1947–1948. London – N.Y. – Toronto.
19. Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997. – 448 p.
20. Russia's Wrang Direction. What the United States can and Should Do. N.-Y., 2006. 96 p.
21. Schlezinger A. The Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. P. 22.
22. URL: www.gwu.edu/~nsarchiv/colwar/documtnts/episode-1/kennan.htm